

*А.А. Будко, Н.Ю. Бринюк
А.А. Budko, N.Yu. Brinyuk*

**САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В
РОССИИ И БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1812 ГОДА**

**THE SANITARY-EPIDEMIOLOGICAL SITUATION IN
RUSSIA AND THE STRUGGLE AGAINST EPIDEMICS
IN THE SECOND HALF OF 1812**

В статье описывается санитарно-эпидемиологическая обстановка, сложившаяся в Российской империи в период отступления из нее «великой» армии Наполеона. Французская армия представляла собой источник распространения остроинфекционных заболеваний для местного населения и Русской армии. Большую опасность в эпидемиологическом отношении представляло собой огромное количество незахороненных трупов людей и лошадей. Российская власть и военное командование при помощи медиков начали активную борьбу против эпидемий, благодаря чему в 1813 году ситуация в целом нормализовалась.

The article describes the sanitary-epidemiological situation in the Russian Empire during the retreat of the “great” army of Napoleon. The French army was a source of the spread of highly infectious diseases for the local population and the Russian army. A great epidemiological danger was the huge number of unburied corpses of people and horses. The Russian government and the military command, with the help of doctors, began an active struggle against epidemics, thanks to which in 1813 the situation as a whole returned to normal.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., эпидемии, отступление, трупы, сожжение

Keywords: Patriotic War of 1812, epidemics, retreat, corpses, burning

Первым, кто оставил образное и краткое описание эпидемической обстановки в Российской империи во время отступления из ее пределов «великой» армии Наполеона, был выдающийся русский врач Яков

Иванович Говоров. Он писал, что «история ретирады» – история отступления французов из России, «изображая их бродящими посреди льдов и снегов, сражающихся с стихиями, замерзающих целыми батальонами, словом, каждый шаг назад означающих буграми трупов, открывает источник тех заразительных болезней, которые с толикою жестокостию и ужасом свирепствовали после во многих губерниях, но наиболее в Виленской»¹. Французы страдали от голода, российских холодов и антисанитарии. При этом они переполняли российские города и деревни, и массовая заболеваемость и смертность среди них превратила наполеоновскую армию в рассадник инфекции, всюду распространявший заразу. Исследователи признавали, что тиф, который свирепствовал в неприятельской армии и передавался русским, по своему размаху превзошел все военные эпидемии, отмечавшиеся ранее. Причиной этого стало и значительное увеличение численности участвовавших в войне армий (известный врач-писатель А.А. Чаруковский объяснял размах эпидемии, в том числе, «по огромности и неоднородности армий»²).

К осени 1812 г. неприятельские войска стали представлять огромную опасность для здоровья местных жителей и воинов Русской армии. Из-за распространения в российских населенных пунктах острых инфекций, массовая заболеваемость в русских войсках, которая наблюдалась и летом 1812 г., в осенние месяцы, когда они преследовали вышедшие из Москвы войска Наполеона, превратилась в жесточайшую эпидемию. По сведениям военных историков, в общем числе потерь русских в период контрнаступления доля больных стала составлять около 60%. Тиф «начался в октябре месяце: от Москвы до самого Парижа по всем дорогам бежавших французов появлялся тиф, особенно убийственный по этапам и госпиталям, и отсюда распространялся в сторону от дорог между обывателями»³.

Эпидемии тифа затронули все районы, по которым проходила отступавшая французская армия. Тиф фиксировали в Московской, Рязанской, Могилевской, Минской и других губерниях. Свирепствовала эпидемия в оставленной противником сожженной Москве. О тяжести санитарного состояния в древней столице, например, свидетельствует письмо одного из ее жителей: «... за 15 верст от Москвы уже становится тяжело дышать; колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля все наполнены мертвыми телами; их даже трудно отыскивать, и потому меры, принимаемые против зла, недостаточны. К тому надо прибавить, что в начале ноября еще не похоронены были убитые 26 августа; Бог знает, схоронены ли они теперь.

За 25 верст слышно было зловоние, а ежели не примут решительных мер, весною запах слышан будет в Высоком, находящемся не более как в пятидесяти верстах от несчастного Бородина»⁴.

В поместьях, куда вернулись с уходом французов их хозяева – помещики, по их рассказам, «болезни сделались повсеместными, люди умирали человек за человеком. Недоставало не только гробов, но и работников рыть ямы для погребения; священники не успевали по долгу христианскому делать каждому погребение...»⁵ Один из французских медиков, попавших в плен и поступивших на русскую службу, врач де Ла Флиз, сообщал, что «занесенный солдатами нашими тиф заразил местных обывателей, а как у них не водится ни докторов и никаких рациональных мер, то болезнь эта похищала много жертв»⁶. Последствия эпидемий были впечатляющими. Как свидетельствовали современники, «все госпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни полны больными, так что крестьяне убегают в леса и мертвых оставляют без погребения...»⁷

Для борьбы с эпидемиями в сельской местности туда были направлены молодые врачи: в Можайск из Касимовского госпиталя – Ловецкий, в Верею из Рязанского – Дядьковский, в Смоленскую губернию из Московского университета был направлен И.В. Георгиевский. Врачей в России традиционно не хватало, теперь же они несли дополнительные потери в боевых действиях, умирали от инфекционных заболеваний. Недостаток пришлось пополнять пленными врачами. Меры по приему на службу пленных врачей из французских и германских подразделений, были приняты в начале зимы 1813 г., когда М.И. Кутузов, находясь в Вильне, утвердил положение, разработанное Я.В. Виллие еще в 1812 г.⁸ Пленные врачи должны были выдержать экзамен по профессии, после чего под надзором русских медиков могли быть допущены к работе в русских госпиталях. В апреле 1813 г. при русских госпиталях находилось более 143 военнопленных врачей⁹.

В войсках велась основательная борьба по предотвращению распространения заразных болезней. В первую очередь занимались уничтожением и нейтрализацией источников инфекции. Особое внимание обращалось на доступные в военных условиях способы соблюдения личной гигиены солдатами и офицерами. Так, младших командиров обязали ежедневно осматривать у людей ноги, чтобы исключить травмы, потертости и отмораживания, следить за тем, чтобы обувь и «обертки» после ночлегов были высушены¹⁰. Войска стремились обеспечить

теплой одеждой, полушубками, исключить недостаток хлеба и сухарей для нижних чинов. С появлением первых морозов русские войска размещались на ночлеги не на бивуаках, а по квартирам. Все указанные меры соответствовали «Наставлению», которое было составлено для пехотных офицеров перед началом войны и содержало ряд предохранительных мер, принятых в Русской армии для сбережения здоровья солдата. «В этом наставлении 1-й пункт гласит: офицер должен заботиться о здоровье и пище солдата, потому что от последнего можно требовать многого только тогда, когда он видит заботливость начальника»¹¹.

Обязательное медицинское освидетельствование было предусмотрено для новобранцев, поступавших в маршевые батальоны и эскадроны для пополнения армии; эта мера должна была исключить попадание в войска инфекционных больных. «Одним словом взыщутся со всею строгостию: убыль, изнурение людей и большое число больных», – гласил один из параграфов правил отправления в поход из Санкт-Петербурга вновь сформированных батальонов и эскадронов¹².

Больных тщательно изолировали, лиц, имевших с ними контакт, подвергали карантину. Инфекционных больных не допускали в развозные и подвижные госпитали; их отправляли в главные временные госпитали или специальные больницы для «прилипчивых болезней». Многие больные поступали в военно-временные госпитали, развернутые в Калуге, Орле, Туле.

В Калуге в ноябре 1812 г. скопилось до 11 тыс. больных и раненых. Из-за переполнения населенного пункта больными, по свидетельству современников, в городе и окрестностях вспыхнула эпидемия «гнилой горячки», от которой в последующие два месяца ежедневно умирало до 50–70 человек, а в некоторых селах Калужской губернии погибла даже треть жителей. Для пресечения распространения заразы «умерших для предосторожности тщательно зарывали глубоко, в отдаленных от селений местах в землю и посыпали тела известью для скорейшего их разрушения, а в некоторых местах сожигали оные»¹³. В начале января 1813 г. была проведена работа по развертыванию специализированных госпиталей по трем трактам: Юрбургскому (4 госпиталя на 1200 коек), Таурогенскому (4 госпиталя на 1400 коек) и Олитенско-Ковенскому (6 госпиталей на 2000 коек). Госпитали снабжались всеми необходимыми «вещами и способами, потребными к исправному содержанию больных»¹⁴. В конце февраля по военной дороге в Волынской губернии были дополнительно организованы три госпиталя на 750 коек¹⁵.

В лечении больных наиболее полезным признавался индивидуальный подход, когда к каждому подходили с учетом «тяжести заболевания, сложения больных, отдаленных и ближайших причин и состояния органов, в коих по большей части происходили необыкновенные явления...»¹⁶ Личные вещи больных сжигались, а в случае, когда они представляли собой какую-либо ценность, дезинфицировались.

В университетах силами медицинских факультетов были разработаны несколько наставлений по борьбе с заразными болезнями. Над ними работали, независимо друг от друга, профессора Рихтер, Котельников, Щеголев, Ризенко и Гильдебранд. Наставления включали общие положения, указывавшие, что для здоровых контакт с инфекционным больным и его имуществом опасен, почему необходима изоляция больного. Наставления требовали содержания больных в проветриваемых чистых помещениях, с теплым и сухим воздухом; немедленную уборку испражнений больного. Подчеркивалось требование правильного и достаточного питания; придавалось внимание и поддержанию в больном бодрого и веселого настроения. В целом, в сложившихся условиях всеобщей разрухи ученые-медики рекомендовали преимущественно паллиативные меры, главной из которых являлась изоляция заболевших¹⁷.

По приказанию командования войска обходили стороной населенные пункты, где было замечено большое скопление больных военнопленных, ограничивая контакт с ними лишь небольшим контингентом охраны. Тракты, по которым направлялись пленные, становились очагами эпидемий. Их поток пытались перенаправить по более безопасным маршрутам. К примеру, калужским гражданским губернатором в декабре 1812 г. было доложено главнокомандующему, что «дорога, которая назначена была для препровождения пленных через Смоленск, Дорогобуж, Вязьму и Гжатск, по случаю возникновения там болезней сделалась для препровождения их невозможною...». В связи с этим губернатор изложил просьбу о разрешении «отсылать их по другому тракту: с одной стороны в Тверскую губернию на Поречье, а с другой – через Рославль в Орловскую губернию»¹⁸.

В целом санитарная обстановка в стране была чрезвычайно сложной, и потребовались экстраординарные меры для ее исправления. Большую опасность представляло обилие незахороненных и разлагавшихся трупов людей и лошадей, заполонивших те территории и населенные пункты, где проходили кровопролитные сражения. Особенно

грозно они предвещали наступление в будущем страшных эпидемий, способных обезлюдить всю Европейскую Россию после начала весенней оттепели.

Медики предложили срочно организовать уборку и сожжение трупов людей и животных; инициатором этой меры был профессор кафедры физики ИМХА В.В. Петров. Дважды этот вопрос был поднят Конференцией Медико-хирургической академии. 12 (24) ноября Главный по армии медицинский инспектор Я.В. Виллие представил управляющему военным министерством князю А.И. Горчакову прошение к императору о высочайшем повелении «на сожжение всех трупов, покрывающих поля, ибо он с великой основательностью опасается, что при наступлении весны трупы сии, истлевая, соделаются причиною зловредных поветрий и весьма опустошительных болезней»¹⁹. Прошение Я.В. Виллие было одобрено управляющим Военным министерством, а впоследствии и императором. Буквально через два дня, 14 (26) ноября 1812 г., Александр I утвердил это предложение и повелел главнокомандующему как в армии, так и в тылу, «во избежание, чтобы от сих мертвых тел не последовало при наступлении весны заразительных болезней, <...> ныне же применять поспешнейшие и самые деятельные меры, чтобы трупы всякого рода как человеческие, так и скотские, кои могут быть отысканы или по поверхности земли, или в земле, но зарытые неглубоко, были неотлагательно преданы сожжению...»²⁰ Такое распоряжение было передано не только военному командованию, но и гражданским губернаторам: калужскому, смоленскому и тверскому. 19 ноября (1 декабря) оно было продублировано для витебского, моголевского и минского губернаторов²⁰. Фельдмаршал М.И. Кутузов также обращал пристальное внимание на вопросы санитарного благополучия. 16 (28) декабря 1812 г. он приказывал генерал-лейтенанту М.М. Бороздину, призванному обеспечить переход к мирной жизни Смоленской, Могилевской и Минской губерний: «Сверх того прошу приказать сколько можно скорее на всем сем пространстве убирать мертвые тела и их сжигать»²².

В ноябре 1812 г. для борьбы с эпидемией в Московскую губернию был направлен доктор В.М. Воробьевский. В результате его неутомимой деятельности в Москве было сожжено 11 958 трупов людей и 12 576 павших лошадей. В Можайском уезде убрано 56 811 трупов людей, 31 664 лошадей. Полная уборка трупов закончилась к 13 (25) марта 1813 г.

В конце 1812 г. и в начале 1813 г. на территориях российских губерний были сожжены и отчасти зарыты 243 622 человеческих и 122 132 лошадиных трупов. Эта работа велась в Минской (48 903 человеческих и 30 062 лошадиных), Московской (соответственно 49 754 и 27 849), Смоленской (71 735 и 50 430), Виленской (72 203 и 9 407), Калужской (1 027 и 4 384) губерниях²³.

Эпидемии, охватывавшие все новые и новые губернии, не сразу пошли на убыль под воздействием решительных мер по очистке тыла и изоляции больных. Все же постепенно эти акции позволили значительно сократить инфекционную заболеваемость. Медицинский совет в 1813 г. «с особенным удовольствием» констатировал, что «число больных во многих губерниях значительно уменьшилось и что даже самые болезни не имеют уже заразительного свойства»²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Говоров Я.И.* Всеобщая история врачебного искусства и опыт краткого врачебного обозрения кампаний 1812–1815 года. СПб.: В Морской Типографии, 1818. С. V.

² *Чаруковский А.А.* Военно-походная медицина. СПб., 1837. С. 19.

³ Там же. С. 19–20.

⁴ *Каллаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1912. С. 272.

⁵ *Страшун И.Д.* Русский врач на войне. Очерки. М.: Медгиз, 1947. С. 117.

⁶ *Де Ла Флиз.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М.: Московское Книгоиздательское Товарищество «Образование», 1912. С. 89.

⁷ *Страшун И.Д.* Русский врач... С. 116.

⁸ *Шабунин А.В.* Яков Васильевич Виллие (1768–1854). Малоизвестные документы и материалы. СПб.: ВММ МО РФ, 1998. С. 74.

⁹ Столетие Военного министерства. Главное военно-медицинское управление. СПб., 1902. Т. VIII, ч. 1. С. 117.

¹⁰ *Заглухинский В.В., Копосов В.П., Фомин И.В.* Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г. М.: Печатня Снегиревой, 1912. С. 107.

¹¹ *Идельсон.* Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 года. Речь, произнесенная в годичном заседании Общества врачей при Императорском Казанском университете 19-го января 1912 г. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1912. С. 43.

¹² Столетие Военного министерства... Т. VIII, ч. 1. С. 163.

¹³ *Ассонов В.И.* В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912. С. 31.

¹⁴ Заглухинский В.В.[и др.]. Организация и работа... С. 54.

¹⁵ Страшун И.Д. Русский врач... С. 116.

¹⁶ Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба в Отечественную войну 1812 года. Л., 1962. С. 39.

¹⁷ Будко А.А., Журавлев Д.А., Бринюк Н.Ю. Военная медицина Российской империи в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. М.: Научно-политическая книга, 2018. С. 111–112.

¹⁸ Страшун И.Д. Русский врач... С. 116.

¹⁹ Заглухинский В.В. [и др.]. Организация и работа... С. 119.

²⁰ Там же.

²¹ Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба... С. 41.

²² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч. 2. М.: Воениздат, 1955. С. 613.

²³ История военной медицины России. Т. 3. XIX – начало XX в. СПб.: ВМедА, ВММ, 2006. С. 273.

²⁴ Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба... С. 41.